

Торговец холодной лапшой, судя по всему, был не новичком в общении с такими знатными особами, как мы, которые брали его с собой. В седле он держался вполне уверенно, и лишь у ворот дворца слегка вздрогнул и забормотал: «Господин», — но Ван Юаньци тут же шикнул на него. Тот, дрожа, слез с коня. Ли Жуй отправил маленького евнуха сопровождать его за воротами, а сам повел меня внутрь на аудиенцию. Ждали мы недолго: вскоре появилась Туаньэр, чтобы нас встретить, и с улыбкой сказала: «Какое совпадение! Шэнжэнь и госпожа как раз говорили, что хотят видеть князя и принцессу, а вы тут как тут.»

Ли Жуй улыбнулся: «Как мы утруждаем сестру Туаньэр лично выходить?» Он взял у Ван Юаньци пару шелковых кукол и передал их Туаньэр: «Мелочь, купленная на мосту Тяньцзинь. Не слишком ценная, но в другой раз, когда раздобуду цветную парчу, сделаю для сестры пару получше.»

Туаньэр улыбнулась: «Благодарю.» Небрежно сунула кукол в рукав. Мне стало смешно, и я, в свою очередь, протянула ей золотой шарик: «Спасибо, сестра. Что делают отец и матушка? Сегодня ведь не станут проверять уроки?»

Туаньэр, поняв намек, ответила с улыбкой: «Великая принцесса Яньань только что преподнесла два рецепта снадобий. Говорит, их подарил заморский совершенномудрый. Ее супруг лично их опробовал, и они оказались весьма действенными. Их Величества очень обрадовались и устроили пир в честь принцессы и ее мужа.»

Ли Жуй замедлил шаг и смущенно пробормотал: «Раз здесь пир, то мы, выходит, некстати.»

Я тоже не жаловала ту двоюродную бабушку, но раз уж вошли, уходить было неловко. Пришлось утешать Ли Жую: «Ничего. Посидим немного и откланяемся.» Хотя на словах я так и говорила, плечи мои всё же обвисли, и я вяло проследовала внутрь. Подойдя ближе, услышала недовольный голос отца: «Велели звать вас уже давно. Почему так поздно?»

Принцесса Яньань улыбнулась: «Ваше Величество, решение было внезапным, и шестой принц не знал о пире. На передачу вестей туда и обратно ушло время, потому задержка простительна.»

Матушка бросила на нее взгляд и холодно сказала: «Раз ваша двоюродная бабушка за вас заступилась, на этот раз прощаем. Но поблагодарить её обязаны.» Она велела Ваньэр подать вина и приказала нам поднести тост принцессе Яньань.

Ли Жуй и я переглянулись, подняли бокалы, обратились к принцессе Яньань: «Двоюродная бабушка», — и отпили по половине. Матушка добавила: «Теперь поднесите вашему двоюродному деду.»

Мы поднесли тост Чжао Гуй, после чего матушка молвила: «Здесь все — ваши старшие. Берите кувшин и разливайте вино.»

Принцесса Яньань засмеялась: «Да что вы, они же ещё дети. Какие там старшие? Зовите просто Далан, Второй Лан и Да Нян.»

Я уловила намёк в словах матушки и серьёзно возразила: «Старшинство должно соблюдаться, даже в неформальной обстановке нельзя его нарушать.» Первой я налила бокал принцессе Яньань. Ли Жуй, улыбнувшись мне издали, почтительно наполнил чашу Чжао Гуй, обратившись к нему как к «двоюродному деду», а затем мы вместе подошли к Чжао Далану, Чжао Второму Лану и Чжао Личжи, называя их «дядей» и «тётёй». Чжао Далан и Чжао Второй Лан смущённо забормотали: «Не стоит-не стоит», а Чжао Личжи лишь опустила голову.

Только тогда матушка позволила себе лёгкую улыбку и спросила: «Говорят, вы привели какого-то ху за ворота дворца?»

Ли Жуй ответил с улыбкой: «Матушка, в прошлом году вы спрашивали о ценах на рис, а я не смог ответить. Мне было очень стыдно, поэтому с тех пор я часто хожу на рынок, чтобы узнавать цены. Сегодня я взял Сыцзы с собой именно для этого. А ещё Сыцзы заметила, что холодная лапша у торговца с южного конца моста Тяньцзинь отличается от дворцовой. Попробовав, она нашла её довольно аппетитной. Мы подумали, что отец и матушка тоже захотят попробовать это новое блюдо, потому и привели его сюда. Но, увидев, что здесь пир, я тут же велел ему уйти. Пусть придет, когда вы будете свободны.»

Матушка улыбнулась: «Раз уж это ваше искреннее желание, пусть приготовит несколько порций. Тем более, двоюродная бабушка здесь, пусть и она попробует.»

Принцесса Яньань, судя по всему, не горела желанием пробовать эту уличную еду, но, раз матушка предложила, вынуждена была улыбнуться: «Раз шестой принц хвалит, мы обязательно попробуем.»

Матушка кивнула, велела приготовить для нас места и отослала к нашему столу несколько блюд со своего.

Увидев, что это наши любимые кушанья, я подняла голову и улыбнулась матушке. Ли Жуй тоже ей улыбнулся. Матушка слегка склонила голову, Ваньэр приблизилась, выслушала несколько слов, сказанных ей на ухо, вышла, а вскоре вернулась. Через мгновение появились десятки музыкантов и танцовщиц, которые начали танец с широкими рукавами.

Пир сегодня был устроен в малом зале, место было тесным. Когда собралось столько народу, семья принцессы Яньань оказалась полностью скрыта. С нашей стороны сидели только Ли Шэн, Ли Жуй и я. Ли Жуй начал строить мне рожицы, потом изобразил Чжао Личжи: сидит с опущенной головой, мизинчик оттопырен, и тоненьким голоском говорит: «Я — княгиня Цзи, госпожа Чжао.»

Я чуть не выронила палочки от смеха. Матушка бросила на меня строгий взгляд, и мне пришлось принять серьёзный вид и притвориться, что я поглощена созерцанием танцев.

Я всегда была слаба к вину, и после нескольких бокалов голова пошла кругом. Сославшись на недомогание, я вышла первой. Ли Жуй тут же подхватил: «Сыцзы опьянела, я провожу её.» Не обращая внимания на толпу слуг вокруг меня, он схватил меня за руку и вывел, после чего мы вместе сели в паланкин. У террасы Личунь Ли Жуй первым спрыгнул и обернулся, чтобы помочь мне. Я краем глаза заметила, что Вэй Хуань вышла встречать нас со свитой, но сделала вид, что не вижу её, позволив подойти и помочь мне сойти. Пошатнувшись, я сразу же оперлась на неё. Ли Жуй и Вэй Хуань взяли меня под руки и повели внутрь, причём Ли Жуй приговаривал: «Так опьянела, что и глаз не видит», — и тянул меня за руку.

Вэй Хуань поспешно сказала: «Князь Цзи, будьте полегче, госпожа не выносит такой силы.» Затем спросила меня: «Тяжело в груди? Кружится голова? Идите медленно, не торопитесь.»

Я помнила, что мне нужно было что-то сказать ей, но в суматохе не могла вспомнить что. Я сжала её руку и просто сказала: «Голова кружится.» Она позвала одну из служанок, и они вдвоём помогли мне медленно подняться по ступеням. Когда я уселась внутри, они сняли мои туфли и носки. Пока я была снаружи, ещё терпела, но внутри стало так дурно, что захотелось вырвать. Я сжала руку Вэй Хуань, и она сразу поняла. Встала, чтобы позвать кого-то с тазом, но я открыла глаза и покачала головой. Тогда она не стала никого звать, а отвела меня за ширму в

восточном крыле, где маленькая служанка держала таз, и сказала: «Всё, здесь никого нет.» Только тогда я смогла вырваться, и на это ушло немало времени. Всё это время Вэй Хуань поддерживала меня, одной рукой нежно похлопывая по спине. Через некоторое время она принесла чашку чистой воды, велела прополоскать рот, а затем сказала: «Закрой глаза, запрокинь голову.»

Я послушалась. Она смочила платок в воде и протерла мне лицо, затем вытерла сухим платком и принялась расстёгивать мой воротник. Я открыла глаза:

— Что ты делаешь?

Она уже бросила тот платок в таз и, не оборачиваясь, ответила:

— На шее пот, вытру — будет легче.

С этими словами она выжала платок и тщательно протерла мне шею сзади наперёд, затем засунула руку под одежду, вытирая плечи и ключицы. Она делала это без тени недовольства, но я отчётливо чувствовала, что на её лице затаилось раздражение. Я запрокинула голову и посмотрела на неё. Она закончила, отбросила платок и, встретившись со мной взглядом, приподняла бровь:

— Госпожа, вам что-то нужно?

Я растерянно покачала головой. Тогда она повернулась, взяла у служанки чашу с похмельным отваром, зачерпнула ложку и поднесла её ко рту. Я подумала, что она собирается меня кормить, и открыла рот, но она лишь попробовала сама и сказала:

— Горячо.

Взяла другую ложку, зачерпнула, подула несколько раз. В те времена все любили духи, и все женщины во дворце, от матушки до последней служанки, имели благоухающее дыхание. Но лишь дыхание Вэй Хуань было особенным. Его не ощущалось, если специально не принюхиваться, но в то же время оно было таким пьянящим, что заставляло терять голову. Прямо как она сама: внешне — не более чем миловидная особа, но стоило приблизиться, как в ней обнаруживалась странная притягательность, от которой невозможно было оторваться.

Вэй Хуань поднесла ложку к моим губам. До этого я глупо разинула рот, а теперь, наоборот, забыла его открыть. Она решила, что я не хочу пить, и слегка нахмурилась:

— Если не нравится вкус, хватит и пары глотков. Выпьешь — полежишь немного на кушетке, а потом спать.

Я поспешно открыла рот и позволила ей влить ложку. Смаковала и сказала:

— Вкусно.

Кажется, она впервые слышала, чтобы кто-то называл похмельный отвар вкусным. Она взглянула на меня и зачерпнула ещё:

— Раз вкусно, выпейте ещё.